

“Ламбушку” заштормило

Смотр камерных спектаклей в Петрозаводске завершился противостоянием актёров и критиков

На одном из местных культурных форумов несколько месяцев бурно обсуждалась тема “Театральной критики в Карелии нет (?)”! Вообще и у нас, не только в столицах, отношения между людьми театра и теми, кто пишет в СМИ о спектаклях, на моей памяти всегда были сложными. Тех, кто имеет специальное театроведческое образование и может дать профессиональный анализ, трудно уговорить выступить публично с рецензией. Горюх небольшой, все крутится на одном пяточке, и лишней головной боли никому не хочется. Как следствие – пишут или журналисты, или так называемые театралы. И те и другие при всей любви к театру пишут дилетантски, что, естественно, профессионалов раздражает, да и читателям мало что дает.

Поэтому все так ждут приезда критиков из Москвы и Петербурга. Наконец-то мы услышим взвешенный, аргументированный разбор спектаклей наших театров! И такая возможность обычно представляется на фестивале камерных спектаклей “Ламбушка”, который проводит СТД Карелии – прежде ежегодно, а теперь раз в два года. Кстати, ламбушкой в Карелии называют маленькое лесное озеро. И вот впервые на “Ламбушке” заштормило.

Недавно прошедший фестиваль запомнится конфликтом, случившимся между артистами и режиссерами с одной стороны и критиками – с другой. Решение жюри привело в недоумение тех, кто видел спектакли фестиваля. Накалила обстановку и снисходительная манера, в которой практически обо всех работах высказывались члены жюри, в первую очередь московские. Один из столичных критиков ничтоже сумняшеся предложила закрыть петрозаводский Русский театр драмы, чей спектакль “Квартет”, поставленный для старых актёров, ей особенно не понравился. Все это и стало предметом нашей беседы с молодым петрозаводским актёром и режиссером **Олег ДИПОВЕЦКИМ**.

– Простой вопрос: зачем, на ваш взгляд, нужно проводить фестивали?

– Однозначного ответа не может быть. Нужно вначале задать вопрос: для кого существует театр? Я придерживаюсь такой точки зрения – театр существует для зрителя. Хотя есть и театры элитарные. Наверное, должны быть фестивали-лаборатории. Собираются артисты, ищут новые формы, обсуждают, но не выносят это на зрителя. Но “Ламбушка” изначально ориентирована на зрителя. На таком фестивале в критерии оценки спектакля должны включаться не столько театральные изыск, сколько профессиональность исполнения и постановки, которые позволяют зрителю воспринять и пьесу, и мысль режиссера. На нашем фестивале было странное несоответствие между оценками профессионалов – актёров, режиссёров – и оценками жюри. Мне кажется, в жюри, кроме критиков, должны входить и те, кто находится внутри профессии – режиссёр, актёр, театральный художник. Почему, на мой взгляд, лучший спектакль фестиваля “Что случилось в зоопарке” жюри не отметило? Вернее, отметило своеобразно: “Олби так играть нельзя!” Актёры задавали вопрос: “Объясните, как можно играть?” Им не ответили. А вот если бы в жюри были ре-

жиссер, актёр, то истина могла бы родиться даже в спорах внутри жюри. Зритель этот спектакль принял на ура.

А вот другой спектакль – “246” петербургского театра “Особняк” – жюри отметило как лучший. Я захожу в зал, вижу некую декорацию и электронное табло, на котором светятся цифры – 246. Далее, по ходу спектакля, цифры уменьшаются – 245 и так далее до нуля. На сцене появляются два актёра, каждый из которых занимается своим делом. Молча. И на протяжении часа с лишним ни одного слова. Существуют они замечательно на сцене, но... Первые десять минут я думал: “Как интересно!” Вторые десять: “А дальше-то что?” Третьи десять минут пытался понять, не издеваются ли надо мной.

Я устал думать, что же мне хотят сказать актёры. Хотел, чтобы они, наконец, сказали! Но ни слова до конца спектакля! Может он существовать? Может, для публики ли он? Я считаю, нет. Это театры, которые, как йогги, совершенствуют себя внутри, и им нет никакого дела до того, что происходит снаружи.

– Когда московский критик устроила разнос спектакля “Стеклянный зверинец” петрозаводского театра “Творческая мастерская”, даже мне, стороннему человеку, это было невыносимо слушать. Режиссер Иван Петров, не выдержав, сказал членам жюри: “Оставьте в покое актёров, за все отвечает режиссер”.

– В этом случае, мне кажется, надо в первую очередь говорить о театральной этике. На мой взгляд, критик – профессия неблагодарная, потому что редкого критика любит артист. Критик должен быть этичен, как никто. Ведь этика в театре занимает огромное место. Об этом писали все, начиная со Станиславского. Артист в театре, особенно в провинциальном, – это особая судьба. Говоря высоким слогом, актёры всю свою жизнь кладут на алтарь сцены. Недопустимо об этих людях выдавать фразы типа: “На эту актрису противно смотреть, а этот актёр тарашит глаза!” Можно же по-другому сказать!

– А актёры готовы к аргументированной, но жесткой по форме критике?

– Профессиональная критика необходима артисту, как воздух. Она позволяет ему совершенствоваться, двигаться вперед. Один член жюри бросил фразу: “Сразу видно – вышел на сцену столичный артист”. 95 процентов артистов на фестивале “Ламбушка” были из провинции. Как им реагировать на такое высказывание? Взять билеты и уехать?

– Были ли у вас открытия на “Ламбушке”? Какие тенденции вы увидели?

– Я был потрясен спектаклем “Что случилось в зоопарке”. Артисты Олег Шапков и Лев Харламов, не пролив на сцене ни одной слезинки, заставили меня плакать. Два актёра в “Зоопарке” за полтора часа – две жизни. На сцене были живые люди, в одном взгляде которых можно прочесть предысторию каждого персонажа. Я потом спросил: “Как вы это делаете?” И они рассказали, как, работая над спектаклем, искали карту Нью-Йорка, изучали историю этого города, путь, по которому идет один из персонажей от зоопарка до парка. Это для меня подход к

профессии, настоящий, какого сейчас мало. Отметил бы еще спектакль по Мрожеку “Вдовы” московской театральной компании “Содружество актёров, режиссёров и драматургов”, очень интересный по форматуров, очень интересный по формату, стильный. С хорошими, а порой и просто классными актерскими работами. Что касается тенденций, я бы сказал так: увидел шокирующе низкий уровень театров нашей страны и отсутствие единого театрального пространства, которое когда-то существовало. На фестивале артисты не только смотрят работу коллег, они еще общаются. Есть фестиваль, имеющий огромную популярность среди актёров. На него теперь не так легко попасть. Каждый год притякают от 250 до 300 артистов. Благодаря этому фестивалю мы побывали еще на трех. К нам приезжают артисты, мы к ним. Они посылают нам пьесы, мы им. Знаем, что, что и как делает в других городах. Вот это как делает в других городах. Вот это есть единое театральное пространство.

– В некоторых выступлениях звучало, что на фестивале непременно должны быть дискуссии, обсуждения. А в какой форме? Ясно, что не так, как на последней “Ламбушке”. Критики за столом, а перед ними, как провинившиеся ученики, сидят актёры и режиссеры...

– Вариантов очень много, но опять-таки все упирается в состав жюри. Не всегда то, что говорит театровед, понимает артист, и наоборот. Они должны спокойно и открыто разговаривать по поводу каждого спектакля, каждой роли. Потом это могут быть мастер-классы режиссёров, входящих в жюри.

Если критик говорит, что Олби так играть нельзя, и с ним не согласны, – пусть доказывает! Вот и повод для мастер-класса – разобрать пьесу, рассказать об эстетике того искусства, в котором автор, того времени, в котором автор, творил, чтобы актёры поняли: да, творил, чтобы актёры поняли: да, Олби так играть нельзя. Уровень культуры ведь упал, в том числе и у критиков, судя по их тону и обращению к артистам.

– Отвлечемся от критиков. Юс-ти “Ламбушки” из Кирова рассказали, что они много ездят по детским домам со спектаклем-сказкой, весь реквизит которого умещается в чемодане. Детей настолько потрясает сам факт приезда к ним настоящих актёров, что они берут у них автографы. Получается, театр играет сегодня арт-терапевтическую роль?

– По-моему, в России театр выполняет роль арт-терапевта с момента своего появления. Сколько я работаю в театре, столько мы и ездим. И до этого актёры ездили – и двадцать, и тридцать лет назад. И по детским домам, и по школам, и в самую глубину. Когда приезжаешь, скажем, в поселок Лахколамби, на детскую сказку собираются все жители – сто тридцать человек да еще пять собак. Свет дают на четыре часа в сутки, и надо за это время успеть сыграть спектакль. Я бы даже сказал, это не арт-терапия – они относятся к приезду артистов как к манне небесной. Это для них праздник, как у остальных Новый год...

Беседу вел
Наталья МЕШКОВА
Петрозаводск